

Владимир Александрович Рогачев

**ДЕТСКАЯ ЛИРИКА 1920-х гг.
КАК ХУДОЖЕСТВЕННО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ**

З Впервые в отечественном литературоведении с опорой на культурологический подход определена инновационная версия порождающей поэтики детской лирики 20-х гг. в единстве художественных и педагогических начал.

Смена культурно-онтологических парадигм в истории цивилизации связана с ее цикличностью. Порядок передачи наследства (преемственность) всякий раз отличался переменной значений глобальных универсалий, системы архетипов, феноменов, духовно-провиденциальных символов, всей субстанциональной иерархии в ее обновленных социоэкономических и культурных координатах.

Две тысячи лет назад эта глобальная ситуация была разрешена Христом, сказавшим: «Ежели не будете как дети, то не войдете в Царствие Небесное». Этико-историософски пророк показал ограниченность социобиологического понимания универсалии детства, отводящего ему роль подготовительно-подчиненного звена в цепи овзроslения наших поколений. Христос поставил ювенальность на первое место, чтобы в свете ее нравственной чистоты взрослеющее человечество не просто чтит Нагорную проповедь, но и все больше проникалось в своем развитии доброй духовно-движущей силой животворных заветов.

Но потребовалось двадцать веков существования назвавшей себя христианской цивилизации, чтобы она хотя бы в научно-философском плане поглубже озаботилась реализацией «детского» императива Учителя в действительности. Сказанное не перечеркивает прогрессивные идеи и практические опыты многих замечательных деятелей убедить общественное и особенно бытовое сознание в реальном благе преодоления зла и греховности под звездой ювенильного воскресения.

С 1890-х гг. нарастала очистительная волна открытия законов и свойств ноосферы, философии «общего дела». На переходе к XX в. русская и европейская художественная элита, увидев зарницы «неслыханных и невиданных мятежей и перемен», в своей прогрессивно-демократической части заново открывает детскую заповедь Христа. В России новым пониманием феномена ювенальности озаботились многие политические силы и литературно-художественные течения. Стали интенсивно развиваться культурная антропология и этнография детства. Рождается концепция социогуманной педагогики и художественной дидактики.

Великие умы в России — от С. Шацкого, П. Блонского, А. Макаренко до В. Сухомлинского, И. Иванова, Ш. Амонашвили и др. — разрешают, наконец, дурную герменевтику оппозиции: «Плохие непослушные дети / наше счастье и опора». Детство в культурологии понимается как качественно своеобразный и один из лучших этапов человеческой жизни со значимой проекцией на следующие ступени биографии конкретного индивида. В Декларации ООН о детстве (ЮНИСЕФ, 1949) реальное отношение разных социумов к нему стало заглавным критерием оценки гуманности / негуманности того или иного земного сообщества.

Именно в России в начале XX в. появились благоприятные условия для эстетического оформления детской литературы как особой области художе-

Антон Георгиевич
ЯШКОВ,
выпускник 1993 г.
Сейчас — ведущий
программы «Город» ГТРК
«Регион-Тюмень»

Филфак ТГУ дал мне
путевку в жизнь.
Сегодняшнее состояние
общества внушает
большинству современных
филологов боязнь за свое и
Ваше, дорогие преподаватели,
будущее. Сможет ли
филолог помочь удержать
шаткое равновесие в России
накануне грядущего
пассионарного взрыва —
вот, пожалуй, на сегодня
наиважнейший вопрос,
это архиважно
и архипрестижно.

ственно-дидактического диалога поколений, освоения юношеством культурного опыта родины и мира. Революционная смена социумной парадигмы в 20-е гг., помимо постепенного укрепления моноидеологической регуляции социальных процессов, в то же время создала и относительно свободные условия для художественных и педагогических экспериментов. Более того, надеясь на демократическую гуманизацию советской системы, обещанное социальное равенство и справедливое жизнеустройство, создавать детскую литературу в молодой советской России стали замечательные и прогрессивно настроенные просвещенцы и литераторы, художественные мастера серебряного века (М. Горький, К. Чуковский, С. Маршак, О. Мандельштам и др.).

Особенно уникальна детская лирика 20-х гг. Именно в ней детство заговорило своим языком, выражая ювенальную целостность актуаций, эмоций и переживаний, способствуя юному самопознанию себя и времени. В той детской поэзии прежде всего родилась неповторимая инновационная система

жанров — эстетически выразительная ювенальная целостность нашего детства и перспектива его развития.

Социоклассовое одогмачивание советской литературы меньше всего сказалось на детской литературе. В итоге ее развития в 20-е гг. вульгарно-социологическая критика вынуждена была признать: «Детская литература еще полностью не отошла от прошлого. Она еще недостаточно социально направлена, в ней преобладают анимистические, безыдейные и экзотические произведения» [Целинский 1930: 67]. Детская литература нашла пути сохранения гуманистических ценностей в форме «скрытой» матрицы своей художественной дидактики. Ей повезло больше, чем «взрослой» литературе, что признала в 90-е гг. М. Чудакова [Чудакова 1990: 248-259]. Культурологическое осмысление становления и развития детской лирики 20-х гг. позволяет сделать вывод о ее в целом позитивном гуманистическом нравственно-эстетическом потенциале, актуальном и для современных художественных исканий.

Идейно-тематическое разнообразие детской поэзии 20-х гг. при неоднородной культуре стиха отличает тот литературный период. Исторически на первое место в нем вышли соционаправленные жанры. В их плоскости осмыслялись социальные и этические проблемы времени, родился жанр детской лиро-эпической поэмы (А. Введенский, «Октябрь», 1929). Н. Венгров адресовал малышам лирические стихи о советской жизни, ее праздниках, полные веселых радостных эмоций («Октябрьские песенки», 1927). «Монолог-стихомарш» о «красном» празднике написала Е. Тараховская («Бей, барабан», 1930), социологическую панораму «Гуляем» — Маяковский (1925) и др. Своеобразным завершением поисков в этой подсистеме жанров стала «Октябрятская звездочка» А. Барто (1932).

Поэзия обратилась к революционным героям, партийно-ангажированные поэты попытались переиначить жанровые качества поэмы, лирико-публицистического рассказа в стихах, в ущерб поэтическому строю наполняя их маловыразительными содержательными компонентами. В начале периода левые авангардисты стали экспериментировать с жанром сказки, втискивая новое социальное содержание в старые формы. После 1925 г. литераторы новаторского течения, понимавшие необходимость художественного синтеза классических форм с новым социальным содержанием, открыли поэтику обновления сказки и создали сказочные произведения на современную тему (Н. Асеев, С. Маршак, В. Маяковский, обериуты и др.).

Юношество приняло лиро-эпическую поэму Н. Асеева «Буденный» (1923). Суровые события гражданской войны отображены в детских поэмах «Сын машиниста» Я. Шведова (1926), «Морошка» Ив. Молчанова (1928), в балладе «Комбриг» П. Кудрявцева (1927) и др. Политическую лирику для детей вместе с Маяковским творили комсомольские поэты А. Безыменский, А. Жаров, С. Малахов, М. Светлов и др. Романтико-героические мотивы в лиро-эпосе М. Светлова («Горнист», «Гренада») определили новые качества выразительных форм жанра детской баллады.

Про тяжелое детство до революции рассказали С. Ясный в «Детстве Кости» (1924), Мих. Рудерман в стихотворении «На родине» (1929) и др. Истории революционного движения в России посвящено стихотворение А. Ситковского «Девятое января» (1927). К историческому сюжету обратился в своей балладе Вс. Рождественский («В лесах Робин Гуда», 1926), эпоха испанских колонизаторов раскрывается в романтической повести А. Шмульяна «Каравелла» (1925). Ряд произведений посвящен Парижской коммуне (например, «Коммуна» М. Светлова, 1929 и др.).

В те годы значительное место в литературном процессе заняла тема вождей и революционных героев. Большинство стихов несовершенно, на уровне поэтического строя авторы переиначивают структуры житийной литературы, оды, классической героической баллады, увлекаются патетическими красками, создавая монументально-возвеличивающие портреты. Осваивалась и реалистическая поэтика. На фоне патетических котурн для персонажей стали появляться нравственные примеры для юных читателей, ориентированные на социоклассовую концепцию советского искусства («Маленький Костя» А. Жарова, 1926; ода-реквием «Комсомольская» В. Маяковского, 1924 и др.).

Интернациональная тема в детской поэзии в этот период также выходит на первый план. В круг признанных произведений попали баллада «Сами» Н. Тихонова (1924), «Баллада о Ленине и Ли Чане» А. Исбаха (1926) и др. В героико-романтическом ключе рассказывают о национально-освободительном движении 20-х гг. произведения Д. Алтаузена и Б. Ковынева «Повесть о капитане и китайчонке Лане» (1926), «Повесть о негретенке» (1928). Малышам были адресованы политический плакат «Прочти и катая в Париж и Китай» В. Маяковского (1928) и лирическая колыбельная «Братишки» А. Барто (1928).

Новая тема дружбы народов в Советской России раскрывалась в повести Д. Алтаузена «Якутенок Олеська» (1927), в эпических поэмах «Север» А. Гурьян (1927), «Костер на реке Магитун» В. Ошанина (1928) и др. Тему коричневой чумы впервые в детской лирике тех лет обозначил в стихорассказе «Фашисты» П. Арский (1927).

Пионерское движение 20-х гг. нашло свое отражение у В. Маяковского, Н. Асеева, М. Светлова, А. Жарова, С. Малахова и др. Были популярными героическая повесть Е. Данько «Настоящий пионер» (1924), героические баллады М. Светлова, В. Тамбеллини и др., поэма Н. Асеева «Красношейка» (1925), А. Введенского «Подвиг пионера Кочина» (1930) и др. Тогда же впервые появ-

ляются пионерские «азбуки» — особый жанр, похожий на агитплакат, с актуально-публицистическими комментариями к уставу детской организации.

Разнообразие жизни ребячьих коллективов, их дела и мечты показаны в бытовых повестях А. Барто «Первое мая» (1926), Ив. Молчанова «Ильичата в деревне» (1925), О. Гурьян «Пионеры пришли» (1926) и др. Оригинален по поэтике стихорассказ С. Огурцова «Егорка — ленинский пионер» (1925), автор которого обратился к изображению личности юного человека. Лирико-романтические стихи о пионерском лете с игровыми элементами публикуют Е. Шварц («Лагерь», 1925), К. Высоковский («Шла колонна», 1930) и др. Обобщающий портрет пионерии 20-х гг. искусно воссоздан в «Отряде» Маршака (1927).

Новая поэтика, обогащенная социобытовыми чертами времени, характерна для сатирической «Сказки о Пете» В. Маяковского (1925). Тогда же Маршак создает новаторскую поэму о вещах, художественно открывая гуманистический смысл технического прогресса тех лет («Вчера и сегодня», 1925). В ней контрастные по смыслу диалоги предметов отражают их различные функции в жизни людей, образы вещей антропоморфны.

Трудные судьбы беспризорников показаны в поэме Н. Асеева «Сенька — беспризорный» (1925), в ряде произведений О. Гурьян, Е. Тараховской и др., где одновременно с тем ощущается вера в то, что их жизнь изменится к лучшему. Надежда на социально-справедливое переустройство мира, энергия созидательного труда определили поэтический строй зимней поэмы-сказки Н. Асеева «Кутерьма» (1930), посланий С. Кирсанова, одического обращения А. Введенского «Армия труда» (1930) и др. Динамичен и мажорен стих, предельно заострен конфликт старого и нового в публицистических стихоплакатах А. Фарбера «Новый город» (1929), Ю. Феоктистова «Новосибирск» (1929), А. Введенского «Турксиб» (1930) и др.

Решая социальные конфликты времени, авторы стали обогащать поэтику игровым началом. Речевой уровень многих произведений близок к сказу. Экспрессивна по ритму, интонационно богата «Лампочка Ильича» В. Наседкина (1927), отразившая актуальную тогда тему электрификации страны.

Традиционный жанр стихов о детских играх менял свой строй под воздействием нового содержания (А. Камчадал, «Как дети играли в Красную Армию», 1927). В этом же ключе обновлялась и поэтика школьной темы (Е. Чернышова, «Первый урок», 1927 и др.)

Выразительны сатирические жанры детской поэзии того периода. Здесь и сатирическая поэма с лирическими элементами С. Есенина («Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве», 1925) и озорно-пародийные «Командировка Хуана» А. Жарова (1925), «Приключения пионера Митьки» (1925), «Отчаянный перелет» (1926), «Митька за границей» (1927) Н. Богданова, сатирическая «История Власа — лентяя и лоботряса» В. Маяковского (1925). Динамична и резка по стилю поэма-гротеск Н. Павлович «Большевик Том» (1925), открывшая новые возможности сатирического лубка в целях интернационального воспитания. В подобном ключе написана и «Сказка о толстом шуцмане» Э. Эмден (1930).

Сатира помогала бороться с просчетами тогдашнего пионерского движения — «Войны королят» Евг. Шалого (1927), «Приключения Феди Рудакова» А. Жарова (1926). «Стихокомикс» А. Жарова представлял собой пародийную энциклопедию многих штампов левых авангардистов тех лет — бунты «бедных» игрушек, суперреволюционные приключения детей за границей, блиц-походы пионеров в деревню и к беспризорникам и др.

Разноголосица жанрово-тематических и стилевых начал многих произведений, преобладающая низкая культура стиха и ориентация на бытовой язык улицы, якобы отвечавший запросам и уровню развития юного читателя тех лет, были предметом нескончаемых литературных дискуссий 20-х гг., борьбы нова-

торов с авангардистами. Резкая социоклассовая поэтика «Спора между домами» Н. Агнивцева уступает тематически соположенной ей сказке «Вчера и сегодня» С. Маршака, хотя оба автора применяют антропоморфизм, игровой принцип и фольклорные элементы. Но если Н. Агнивцев, мало заботясь о художественности, старался ввести в произведение как можно больше социальных мотивов того времени, то Маршак достигает современного звучания стиха с помощью интонационной мелодики.

Вся система жанров детской поэзии, ее иерархия, новые типы и линии взаимодействия разных структурных форм наиболее полно представлены в творческих исканиях Маяковского, Маршака, Чуковского, комсомольских поэтов, обериутов, Н. Асеева, В. Инбер, А. Барто, Е. Шварца, Э. Эмден и др. Жанрово-стилевое многообразие детской поэзии соотносимо с опытом «взрослой» поэзии, тяготеет к большим поэтическим формам, к эпическому характеру поэтики с лирическими элементами, что отвечает и принципам специфики детской поэзии. В 20-е гг. в ней произошло открытие чисто лирических форм, тяготевших к своему художественному центру — особому метажанру, в котором неповторимо выразила себя новая концепция детства.

Система жанров детской лирики 20-х гг. диахронически определяется противоречиями, переплетениями и метаморфозами трех изначально автономных идейно-стилевых течений — традиционалистов, авангардистов и новаторов. В апогее сказочного нашествия в середине периода на первый план выдвигается новаторская поэтика Маяковского, Маршака, Чуковского, лирико-романтический героический эпос комсомольских поэтов. Происходит активная перестройка поэзии традиционалистов, круг вечных тем, идей и мотивов начинает обновляться чертами менявшейся жизни.

Авангардисты с их экстремистскими узко-классовыми установками лишаются безусловной поддержки советской власти. В их среде произошел раскол, часть литераторов стала усваивать уроки новаторского направления. Но в течение 20-х годов соцвосовские издания, «Книгоноша», авангардисты обвиняли новаторов в пропаганде замаскированных контрреволюционных идей, что, конечно же, было абсурдом. Перейдя после 1925 г. в ряды рапповцев, непримиримые авангардисты продолжали «преподносить детям в доступной их пониманию форме некоторую сумму политических сведений и коммунистических идей и считали чуждым и антипедагогичным всякое произведение для детей... написанное не на актуальные темы современности» [Кон 1955: 23].

Эти авторы хотели немедленно дать ребенку нужные классовые ориентиры, вульгарно разьединенные с общечеловеческими гуманистическими ценностями. Они выхолащивали их из поэтики традиционных детских жанров, к которым вынуждены были обращаться сами, так и не найдя «особо революционных форм». Сегодня лишь исторически интересны аллегорические поэмы-сказки А. Кравченко («Про высокую гору и маленькие ручейки», 1925), Т. Морозовой («Октябрьская революция», 1922), многочисленные псевдореволюционные «бунты» игрушек.

В синхронии система жанров детской поэзии 20-х гг., ее сложная художественная целостность образована четырьмя проблемно-тематическими потенциалами. Они инициированы содержательной стороной новой концепции детства. Специфику детской поэзии высвечивали структурно-направляющие локаторы общечеловеческих ценностей, поверяли логика мировой и отечественной культуры воспитания — познания — чувствования жизни, фольклорные традиции, прогрессивно-демократический пафос русской классики. Детская лирика гуманизировала социальные драмы 20-х гг. Она открыла собственно детский мир в ролевой дидактике своих произведений, увлекла юношество игровым общением, выявила новые художественные возможности комического и сатирического начала на сюжетно-композиционном и повествовательном уровне стиха.

Эти содержательные идейно-тематические структуры четырех жанровых субсистем иерархически выстроены конкретно-историческим током того времени. На первом плане — социально направленные жанры (дети и время), далее — художественно-дидактические жанры (собственно детский мир — цивилизация — метаморфозы школы жизни, быта и общения детей под воздействием перемен), сатирические и мифофольклорные жанры (освоение истоков, народных традиций бытия).

Соционравственная атмосфера 20-х гг. определила новые идейно-художественные типы связи жанровых субсистем, она пронизывает поэтический строй многих произведений вплоть до деталей на речевом, предметном, сюжетно-композиционном и проблемно-тематическом уровнях. Жанрово-стилевое своеобразие детской поэзии выражено в ойкумене всей системы природа — общество — человек — культура — литературный мир. Первый тип связи системы: анализ общественной фазы с реально-идеальным проектированием юной личности в социуме, ее деятельно-творческой позиции, интерпафос, поэтизация социальных тенденций развития (детская поэма «Октябрь» А. Введенского; «Кем быть?», «Гуляем», «Прочти и катай в Париж и Китай» Маяковского; стихоповесть «Октябрьская звездочка» А. Барто; «Отряд» С. Маршака; «Миллион» Д. Хармса; баллады комсомольских поэтов Н. Асеева, Н. Тихонова, М. Светлова и др.).

Второй тип: вечные жанры с обновленным содержанием, с гуманизацией социальных напряжений эпохи, с правом юного человека на реальный труд — заботу об улучшении окружающей жизни (сказки Чуковского, «Что такое хорошо и что такое плохо» Маяковского, художественно-ролевой эпос обериутов, бытовые сказки А. Барто и др.).

Третий тип: морально-эстетический кодекс героя лироэпики в зеркале народной жизни («Конь-огонь» Маяковского, «Пожар» и «Почта» С. Маршака, раешники Е. Шварца и др.). Художественное открытие внутреннего мира героя («Сказка о Пете и Симе» Маяковского, детская лирика С. Маршака, Н. Асеева, Э. Эмден и др.), усложнение его духовно-нравственной практики (ироико-комический эпос Чуковского, ролевые парадоксы обериутов и др.).

Четвертый тип: социализация юношества в гармонической связи с природой («Эта книжечка моя про моря и про маяк» Маяковского; «Посадка леса» С. Маршака, зимняя поэма-сказка «Кутерьма» Н. Асеева, стихи крестьянских поэтов и др.).

Пятый тип: новая лексика, тропика, сюжетно-фабульное начало, поэтизация с гуманизацией советского образа жизни, преодоление классового экстремизма, одогмаченных идеологом левых авангардистов. Введение в поэтику детской поэзии художественно-документальных элементов — Волховстрой у В. Войнова, Днепрогэс у Маршака, телеграммы, радиосводки, репортажи, дневники, стенгазета у А. Барто, Д. Виленского, М. Тименса и др.

Появляется собственно детская лирика. В тропике Маршак открывает принцип реализации метафоры, Маяковский — социальную гиперболу. Всей системе жанров детской поэзии 20-х гг. свойственна конкретно-историческая поэтика, создан выразительный портрет времени, поражающий точностью деталей.

Жанрово-стилевые особенности поэтического строя передают драматизм творческих исканий, интенсивность переживания мира. Социогуманный пафос пересекается с экспериментальным поиском новых выразительных средств: *Мы Новая кровь Городских жил, тело нив, Ткацкой идеи нить* (В. Маяковский); *Вот экскаватор паровой. Он роет землю Головой, И тучей носятся за ним Огонь, И пар, И пыль, И дым* (С. Маршак); *Я вижу: Сквозь сумрак, Тяжелый и хмурый, Земля расцветает Ростками культуры* (М. Светлов).

В 1929 — 1932 гг. появляется метажанр собственно детской лирики с цепью новых форм — от соционаправленных до литературно-фольклорных. В них

особо выделен пафос праздничного, солнечного, весеннего видения жизни, лиро-эпического утверждения главных начал обновляемого мира, новой модели детства. В метажанре отчетливо виден новый лирический герой, творческий диалог автора с преображенным образом детства. Его открыли Маяковский, Маршак, Н. Асеев, М. Светлов, А. Введенский, О. Берггольц, А. Барто, Е. Тараховская, Э. Эмден и др.

Сформировав коренные черты и глубинные структуры нового поэтического строя детской поэзии, преодолев ультралевые авангардистские и обновив традиционалистские течения творческими достижениями своих новаторов, детская поэзия 20-х гг. стала движущей силой общего художественного труда по улучшению окружающей жизни. Ее лирико-романтический пафос, уникальная поэтическая школа радости и света, видение оптимистической перспективы бытия и мечта о гуманизации нового социума образовали единство познавательных, воспитательных, этических и эстетических начал, оригинальную систему детских жанров и многообразии идейно-тематического ряда.

В детской поэзии тех лет впервые в мире своим голосом заговорило детство, открылся для юных социохудожественный космос человеческой цивилизации, бурная и драматическая эпоха 20-х годов, которую уже не вычеркнуть из российской истории и которая в своей идеальной проекции еще долго будет интересна новым поколениям Отечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев Н. Английским пионерам // Асеев Н. А. Собр. соч. : В 5 т. М., 1963. Т. 2.
2. Кон Л. Советская детская литература восстановительного периода. М., 1955.
3. Светлов М. Ростки // Октябрьские всходы. 1928. № 14.
4. Хармс Д. Миллион. М., 1931.
5. Целинский К. За нового писателя в детской литературе // На литературном посту. 1930. № 21-22.
6. Чудакова М. Через тернии к звездам: Смена литературных циклов // Новый мир. 1990. № 4.
7. Эмден Э. Весенний марш. М. ; Л., 1930.

**Галина Ивановна Данилина,
Елена Николаевна Эртнер**
**ПИСАТЕЛЬ И ЕГО КРАЙ:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ
КОНФЛИКТ
КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА**

В статье впервые ставится вопрос о конфликтной природе регионально-го произведения. Вводятся понятия «провинциальный автор» и «опыт жизни здесь», что позволяет обозначить новые пути изучения провинциальной литературы.

«Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней». В словах Толстого можно расслышать вопрос, важный для филолога, краеведа, писателя: как связан человек с местом, где он родился, живет, что означает эта связь для его души, для его личности.

Отношения человека и места во всем многообразии русской литературы предметно закрепляются в понятии «провинциальная» литература. Есть ли свое собственное художественное содержание у провинциальной литературы? В настоящее время это понятие указывает на пока еще не проясненную область,